

Фицджеральд Френсис

Ночь нежна

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Фицджеральд Френсис

Ночь нежна / Фицджеральд Френсис – М.: Книга по Требованию, 2011. – 242 с.

ISBN 978-5-4241-1452-6

В одном приятном уголке Французской Ривьеры, на полпути от Марселя к итальянской границе, красуется большой розовый отель. Пальмы услужливо притеняют его пышущий жаром фасад, перед которым лежит полоска ослепительно яркого пляжа. За последние годы многие светские и иные знаменитости облюбовали это место в качестве летнего курорта; но лет десять назад жизнь здесь почти замирала с апреля, когда постоянная английская клиентура откочевывала на север. Теперь вокруг "Hotel des trangers" Госса теснится много современных построек, но к началу нашего рассказа лишь с десяток стареньких вилл вянувшими кувшинками белели в кущах сосен, что тянутся на пять миль, до самого Канна.

ISBN 978-5-4241-1452-6

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
Ночь нежна

Книга первая

1

В одном приятном уголке Французской Ривьеры, на полпути от Марселя к итальянской границе, красуется большой розовый отель. Пальмы услужливо притеняют его пышущий жаром фасад, перед которым лежит полоска ослепительно яркого пляжа. За последние годы многие светские и иные знаменитости облюбовали это место в качестве летнего курорта; но лет десять назад жизнь здесь почти замирала с апреля, когда постоянная английская клиентура откочевывала на север. Теперь вокруг «Hotel des Etrangers» Госса теснится много современных построек, но к началу нашего рассказа лишь с десяток стареньких вилл вянувшими кувшинками белели в куцах сосен, что тянутся на пять миль, до самого Канна.

Отель и охряный молитвенный коврик пляжа перед ним составляли одно целое. Ранним утром взошедшее солнце опрокидывало в море далекие улицы Канна, розоватые и кремовые стены древних укреплений, лиловые вершины Альп, за которыми была Италия, и все это лежало на воле, дробясь и колеблясь, когда от покачивания водорослей близ отмели набегала рябь. В восьмом часу появлялся на пляже мужчина в синем купальном халате; сняв халат, он долго собирался с духом, кряхтел, охал, смачивал не прогретшейся еще водой отдельные части своей особы и, наконец, решался ровно на минуту окунуться. После его ухода пляж около часу оставался пустым. Вдоль горизонта ползло на запад торговое судно; во дворе отеля перекрикивались судомойки; на деревьях подсыхала роса. Еще час, и воздух оглашался автомобильными гудками с шоссе, которое петляло в невысоких Маврских горах, отделяющих побережье от Прованса, от настоящей Франции.

В миле к северу, там, где сосны уступают место запыленным тополям, есть железнодорожный полустанок, и с этого полустанка в одно июньское утро 1925 года небольшой открытый автомобиль вез к отелю Госса двух женщин, мать и дочь. Лицо матери было еще красиво той блеклой красотой, которая вот-вот исчезнет под сетью багровых прожилок; взгляд был спокойный, но в то же время живой и внимательный. Однако всякий поспешил бы перевести глаза на дочь, привороженный розовостью ее ладоней, ее щек, будто освещенных изнутри, как бывает у ребенка, раскрасневшегося после вечернего купанья.

Покатый лоб мягко закруглялся кверху, и волосы, обрамлявшие его, вдруг рассыпались волнами, локонами, завитками пепельно-золотистого оттенка.

Глаза большие, яркие, ясные, влажно сияли, румянец был природный — это под самой кожей пульсировала кровь, нагнетаемая ударами молодого, крепкого сердца. Вся она трепетала, казалось, на последней грани детства: без малого восемнадцать — уже почти расцвела, но еще в утренней росе.

Когда внизу засинело море, слитое с небом в одну раскаленную полосу, мать сказала:

— Я почему-то думаю, что нам не понравится здесь.

— По-моему, уже вообще пора домой, — отозвалась дочь.

Они говорили без раздражения, но чувствовалось, что их никуда особенно не

тянет и они томятся от этого — тем более, что ехать куда попало все же не хочется. Искать развлечений их побуждала не потребность подстегнуть усталые нервы, но жадность школьников, которые, успешно закончив год, считают, что заслужили веселые каникулы.

— Дня три пробудем, а потом домой. Я сразу же закажу по телеграфу каюту.

Переговоры о номере в отеле вела дочь; она свободно говорила по-французски, но в самой безупречности ее речи было что-то заученное.

Когда они водворились в больших светлых комнатах на первом этаже, девушка подошла к стеклянной двери, сквозь которую палило солнце, и, переступив порог, очутилась на каменной веранде, опоясывавшей здание. У нее была осанка балерины; она несла свое тело легко и прямо, при каждом шаге не оседая книзу, но словно вытягиваясь вверх. Ее тень, совсем коротенькая под отвесными лучами, лежала у ее ног; на миг она попятилась — от горячего света больно стало глазам. В полусотне ярдов плескалось Средиземное море, понемногу отдавая беспощадному солнцу свою синеву; у самой балюстрады лекся на подъездной аллее выцветший «бьюик».

Все кругом словно замерло, только на пляже шла хлопотливая жизнь. Три английские нянюшки, углубясь в пересуды, монотонные, как причитания, вязали носки и свитеры викторианским узором, модным в сороковые, в шестидесятые, в восьмидесятые годы; ближе к воде под большими зонтами расположились с десяток мужчин и дам, а с десяток их отпрысков гонялись по мелководью за стайками непуганых рыб или же лежали на песке, подставив солнцу голые, глянцевиные от кокосового масла тела.

Розмэри не успела выйти на пляж, как мимо нее промчался мальчуган лет двенадцати и с ликующим гиканьем врзался в воду. Под перекрестным огнем испытующих взглядов она сбросила халат и последовала его примеру. Проплыв несколько ярдов, она почувствовала, что задевает дно, стала на ноги и пошла, с усилием преодолевая бедрами сопротивление воды. Дойдя до места, где ей было по плечи, она оглянулась; лысый мужчина в трусиках и с моноклем, выпятив волосатую грудь и втянув нахально выглядывающий из трусиков пуп, внимательно смотрел на нее с берега. Встретив ее ответный взгляд, мужчина выронил монокль, который тут же исчез в курчавых зарослях на его груди, и налил себе из фляжки стаканчик чего-то.

Розмэри опустила лицо в воду и быстрым кролем поплыла к плоту. Вода подхватила ее, любовно спрятала от жары, просачиваясь в волосы, забираясь во все складочки тела. Розмэри нежилась в ней, барахталась, кружилась на месте. Наконец, запыхавшаяся от этой возни, она добралась до плота, но какая-то дочерна загорелая женщина с очень белыми зубами встретила ее любопытным взглядом, и Розмэри, внезапно осознав собственную белесую наготу, перевернулась на спину, и волны понесли ее к берегу. Как только она вышла из воды, с ней сейчас же заговорил волосатый мужчина с фляжкой.

— Имейте в виду, дальше плота заплывать нельзя — там могут быть акулы.

— Национальность его трудно было определить, но по-английски он говорил, слегка растягивая слова на оксфордский манер. — Вчера только они сожрали двух моряков с флотилии, которая стоит в Гольф-Жуан.

— Боже мой! — воскликнула Розмэри.

— Они охотятся за отбросами, знают, что вокруг флотилии всегда есть чем

поживиться.

Сделав стеклянные глаза в доказательство того, что заговорил лишь из желания предостеречь ее, он отступил на два крошечных шажка и налил себе еще стаканчик.

Приятно смущенная приливом общего внимания, который она ощутила во время этого разговора, Розмэри оглянулась в поисках места. По-видимому, каждое семейство считало своей собственностью клочок пляжа вокруг зонта, под которым оно расположилось; кроме того, от зонта к зонту летели замечания, шутки, время от времени кто-нибудь вставал и переходил к соседям — словом, тут царил дух замкнутого сообщества, вторгнуться в которое было бы неделикатно. Чуть подальше, там, где берег усеян был галькой и обрывками засохших водорослей, Розмэри заметила группу людей с кожей, еще не тронутой загаром, как у нее самой. Вместо огромных пляжных зонтов они укрывались под обыкновенными зонтиками и выглядели новичками на этом берегу. Розмэри отыскала свободное местечко посередине между темнокожими и светлокожими, разостлала на песке свой халат и улеглась.

Сперва она только улавливала неясный гул голосов, слышала скрип шагов, огибавших ее распростертое тело, да по мельканию теней угадывала, когда кто-то, проходя, на миг загораживал солнце. Какой-то любопытный пес обдал ей шею теплым, частым дыханием; от горячего солнца уже саднило кожу, а над ухом звучало тихое, утомленное «оххх» отползающих волн. Мало-помалу она стала различать отдельные голоса и даже выслушала целую историю о том, как некто, презрительно названный «этот тип Норт», вчера похитил официанта в одном каннском кафе, чтобы распилить его надвое. Рассказчица была сидя особа в вечернем туалете; она, видимо, не успела переодеться после вчерашнего вечера: волосы ее украшала диадема, а с плеча уныло свешивался увядший цветок. Охваченная безотчетной антипатией к ней и ее спутникам, Розмэри повернулась к ним спиной.

С другой стороны, совсем неподалеку, лежала под зонтом молодая женщина, что-то выписывавшая из раскрытой на песке книги. Она спустила с плеч лямки купального костюма, и ее обнаженная спина блестела на солнце; нитка матового жемчуга оттеняла ровный апельсинно-коричневый загар. В красивом лице было что-то жесткое и в то же время беспомощное. Ее глаза безразлично скользнули по Розмэри. Рядом сидел стройный мужчина в жокейской шапочке и трусиках в красную полоску; дальше та белозубая женщина, которую Розмэри заметила на плоту; она сразу увидела Розмэри и, как видно, узнала. Еще дальше — мужчина в синих трусиках, с длинным лицом и открытой солнцу львиной гривой был занят оживленной беседой с молодым человеком явно романского происхождения в черных трусиках; разговаривая, они перебирали песок, выдергивая кусочки засохших водорослей. Почти все они были, видимо, американцы, но что-то отличало их от тех американцев, с которыми ей приходилось в последнее время встречаться.

Немного спустя ей стало ясно, что человек в жокейской шапочке разыгрывает перед своей компанией какую-то комическую сценку; он с важным видом разгребал граблями песок и при этом говорил что-то, видимо, очень смешное и никак не вязавшееся с невозмутимо серьезным выражением его лица.

Дошло до того, что уже каждая его фраза, едва ли не каждое слово стали

вызывать взрыв веселого хохота. Даже те, кто, как и Розмэри, находился слишком далеко, наставляли антеннами уши, стараясь уловить не долетавшие до них слова, и единственным человеком на всем пляже, который оставался равнодушным к происходящему, была молодая женщина с жемчугом на шее. Она, быть может, из собственнической скромности, лишь ниже склонялась над своими выписками после каждой вспышки веселья.

Прямо с неба над Розмэри раздался вдруг голос волосатого господина с моноклем:

— А вы здорово плаваете.

Розмэри запротестовала.

— Нет, кроме шуток. Моя фамилия Кампион. Тут есть одна дама, она вас на прошлой неделе видела в Сорренто и говорит, что знает, кто вы, и очень хотела бы с вами познакомиться.

Розмэри, скрывая досаду, оглянулась и увидела, что все светлокожие выжидательно на нее смотрят. Она неохотно встала и пошла к ним.

— Миссис Абрамс... Миссис Маккиско... Мистер Маккиско... Мистер Дамфри...

— А мы знаем, кто вы, — сказала дама в вечернем туалете. — Вы Розмэри Хойт, я в Сорренто сразу вас узнала и спросила у портье, и мы все в восторге от вас и от вашего фильма и хотели бы знать, почему вы не в Америке и не снимаетесь еще в каком-нибудь таком же дивном фильме.

Они суетливо задвигались, освобождая ей место. Узнавшая ее дама вопреки своей фамилии была не еврейка. Она принадлежала к породе тех «своих старушек», которые благодаря превосходному пищеварению и полной душевной глухоте остаются законсервированными на два поколения вперед.

— Нам хотелось предупредить вас, чтоб вы были поосторожнее с солнцем, — продолжала щебетать дама, — в первый день легко обжечься, а вам нужно беречь свою кожу, но здесь все так цирлих-манирлих, на этом пляже, что мы побоялись, а вдруг вы обидитесь.

2

— Мы думали, вы, может быть, тоже участвуете в заговоре, — сказала миссис Маккиско. Это была сокрушительно-напористая молодая особа с хорошеньким личиком и оловянными глазами. — Тут не разберешь, кто участвует, а кто нет. Мой муж целый час очень любезно разговаривал с одним господином, а оказалось, он один из главных участников, чуть ли не второе лицо.

— В заговоре? — недоуменно спросила Розмэри. — Разве существует какой-то заговор?

— Душенька, откуда же нам знать? — сказала миссис Абрамс с конвульсивным смешком, характерным для многих толстых женщин. — Мы-то, во всяком случае, не участвуем. Мы галерка.

Мистер Дамфри, белобрысый молодой человек женственного склада, встал:

«Мамаше Абрамс любой заговор нипочем», — на что Кампион погрозил ему моноклем и сказал:

— Но, но, Ройял, не надо злословить.

Розмэри беспокойно поеживалась, сожалея, что матери нет рядом. Эти люди

были ей несимпатичны, особенно когда она невольно сравнивала их с интересной компанией в другом конце пляжа. Ее мать обладала скромным, но безошибочным светским тактом, который позволял быстро и умело выходить из затруднительных положений. А Розмэри очень легко попадала в такие положения, чему виной была сумбурная смесь французского воспитания с наложившимся позднее американским демократизмом — тем более что знаменитостью она сделалась всего лишь полгода назад.

Мистеру Маккиско, сухопарому господину лет тридцати, рыжему и в веснушках, упоминание о «заговоре» явно не нравилось. Он сидел лицом к морю и смотрел на волны, но тут, метнув быстрый взгляд на жену, повернулся к Розмэри и сердито спросил ее:

— Давно приехали?

— Сегодня только.

— А-а.

Должно быть, он счел, что этим уже дано разговору другое направление, и взглядом призвал остальных продолжать в том же духе.

— Думаете пробыть здесь все лето? — невинно спросила миссис Маккиско. — Если так, вы, вероятно, увидите, чем кончится заговор.

— Ради бога, Вайолет, довольно об этом! — взвился ее супруг. — Найди себе, ради бога, другую тему!

Миссис Маккиско склонилась к миссис Абрамс и проговорила громким шепотом:

— У него нервы.

— Никаких у меня нет нервов, — зарычал мистер Маккиско. — Вот именно, никаких.

Он явно кипятился — бурая краска расплзлась по его лицу, смешав все доступные этому лицу выражения в какую-то неопределенную кашу. Смутно чувствуя это, он поднялся и пошел в воду. Жена догнала его на полпути, и Розмэри, воспользовавшись случаем, последовала за ними.

Сделав несколько шагов, мистер Маккиско шумно втянул в себя воздух, бросился в плавь и отчаянно заколотил вытянутыми руками по воде, что, по-видимому, должно было изображать плаванье кролем. Очень скоро воздуха ему не хватило, он встал на ноги и оглянулся, явно удивленный, что все еще находится в виду берега.

— С дыханием у меня не ладится. Не знаю, как правильно дышать. — Он вопросительно смотрел на Розмэри.

— Выдох делается под водой, — объяснила Розмэри. — А на каждый четвертый счет вы поднимаете голову и делаете вдох.

— Все остальное для меня пустяки, вот только дыхание. Поплывем к плоту?

На плоту, мерно покачивавшемся от движения волн, лежал человек с львиной гривой. Как только миссис Маккиско ухватила за край настила, плот неожиданно накренился и сильно толкнул ее в плечо, но человек с львиной гривой вскочил и помог ей влезть.

— Я испугался, как бы вас не стукнуло по голове.

Голос его звучал неуверенно и даже робко; Розмэри удивило необыкновенно печальное выражение его лица, скуластого, как у индейца, с длинной верхней губой и огромными, глубоко запавшими глазами цвета темного золота. Свои

слова он произнес одной стороной рта, как будто надеялся, что они дойдут до миссис Маккиско каким-то кружным путем и это умерит их силу. Минуту спустя он прыгнул в воду, и его длинное тело, неподвижно распластавшись на волне, пошло к берегу.

Розмэри и миссис Маккиско следили за ним глазами. Когда затухла инерция толчка, он круто сложился пополам, на миг выставив из воды худые ляжки, и тотчас же исчез под водой, только пена вскипела на поверхности.

— Прекрасный пловец, — сказала Розмэри.

Миссис Маккиско откликнулась с неожиданной яростью:

— Зато дрянной музыкант. — Она повернулась к мужу, который после двух неудачных попыток кое-как вскарабкался на плот и, обретя равновесие, хотел было принять непринужденную позу, но пошатнулся и чуть не упал. — Я сказала, что Эйб Норт, может быть, и хороший пловец, но музыкант он дрянной.

— Да, да, — ворчливо согласился Маккиско. Видимо, это он определял круг мыслей своей жены и не разрешал ей особых вольностей.

— Лично я — поклонница Антейля¹. — Миссис Маккиско снова повернулась к Розмэри, на этот раз с некоторым вызовом. — Антейля и Джойса. У вас там, в Голливуде, возможно, и не слыхали о таких, но, к вашему сведению, мой муж — автор первой критической работы об «Улиссе», появившейся в Америке.

— Курить хочется, — сказал мистер Маккиско. — Больше меня в данный момент ничего не интересует.

— У Джойса вся сила в подтексте — верно я говорю, Элберт?

Вдруг она осеклась. Невдалеке от берега купалась женщина в жемчужном колье вместе со своими двумя детьми, и в это мгновение Эйб Норт, поднырнув под одного из них, вырос из воды, точно вулканический остров, с ребенком на плечах. Малыш визжал от страха и восторга, а женщина смотрела на них без улыбки, спокойно и ласково.

— Это его жена? — спросила Розмэри.

— Нет, это миссис Дайвер. Они не в отеле живут. — Ее глаза, точно объектив фотоаппарата, целились в лицо купальщицы. Потом она резко повернулась к Розмэри. — Вы бывали за границей раньше?

— Да, я училась в Париже.

— А, тогда вы должны знать, что интересно провести время во Франции можно, только если заведешь знакомства среди настоящих французов. Ну что могут вынести отсюда эти люди? — Она указала левым плечом на берег. — Живут тесным кружком, варятся в собственном соку. Вот у нас были рекомендательные письма ко всем самым известным художникам и писателям в Париже. И мы прекрасно там прожили.

— Могу себе представить.

— Вы знаете, мой муж сейчас заканчивает свой первый роман.

— Вот как? — рассеянно спросила Розмэри. Она думала о том, удалось ли ее матери заснуть, несмотря на жару.

— Да, замысел тот же, что и в «Улиссе», — продолжала миссис Маккиско. — Только у Джойса одни сутки, а у моего мужа — целое столетие. Он берет разложившегося старого аристократа-француза и приводит его в столкновение с веком техники...

— Ради бога, Вайолет, перестань всем рассказывать замысел моего романа,

— перебил мистер Маккиско. — Я вовсе не желаю, чтобы он сделался общим достоянием еще до того, как книга выйдет из печати.

Розмэри вернулась на берег и, прикрыв халатом уже саднившие плечи, снова улеглась на солнце. Человек в жокейской шапочке обходил теперь своих спутников с бутылкой и стаканчиками в руках, и настроение их все повышалось, а расстояние между ними становилось все меньше, пока наконец все зонты не сбились вместе, и под одним общим навесом сгрудилась вся компания; как поняла Розмэри, кто-то собирался уезжать, и решено было последний раз выпить на прощанье. Даже дети, возившиеся в песке, почувствовали, где центр веселья, и потянулись туда. Розмэри почему-то казалось, что все веселье исходит от человека в жокейской шапочке.

На небе и на море господствовал полдень — даже белая панорама Канна вдали превратилась в мираж освежительной прохлады; красногрудый, как малиновка, парусник входил в бухту, волоча за собой темный хвост — след открытого моря, еще сохранявшего свою синеву. Казалось, все побережье застыло в неподвижности, и только здесь, под зонтами, просеивавшими солнечный свет, не прекращалась пестрая, разноголосая кутерьма.

Розмэри увидела Кампиона, который шел к ней, но остановился, не дойдя нескольких шагов; она поспешила закрыть глаза, притворяясь спящей, и когда она снова приоткрыла их, перед ней качались два зыбких, расплывчатых столба — чьи-то ноги. Этот кто-то пытался шагнуть в большое, желтое, как песок, облако, но оно уплыло в бескрайность раскаленного неба. Розмэри и в самом деле уснула.

Проснувшись она вся в поту и увидела, что на пляже никого, нет, только человек в жокейской шапочке складывает последний зонт. Когда Розмэри села, растерянно моргая глазами, он подошел и сказал:

— А я уже решил было разбудить вас перед уходом. Нехорошо в первый день слишком долго печься на солнце.

— Спасибо. — Розмэри глянула на свои малиновые ноги. — Боже мой!

Она рассмеялась с комическим ужасом, надеясь, что разговор будет продолжен, но Дик Дайвер уже тащил складную кабину и зонт к ожидавшемуся у пляжа автомобилю. Розмэри пошла в воду, чтобы смыть с тела пот. Тем временем он возвратился, собрал раскиданные по песку лопатку, грабли, сито и затолкал все это в расщелину между камнями. Потом огляделся на сторонам, проверяя, не забыто ли что-нибудь.

— Который час, вы не знаете? — крикнула ему Розмэри.

— Около половины второго.

Оба оглянулись на горизонт.

— Час неплохой, — сказал Дик Дайвер. — Не самый худший в сутках.

Он посмотрел на нее, и на миг она жадно и доверчиво окунулась в ярко-синий мир его глаз. Потом он взвалил на плечи остатки своего скарба и зашагал к машине, а Розмэри вышла из воды, стряхнула песок с халата и медленно побрела в отель.

3

Было уже почти два часа, когда Розмэри с матерью вошли в ресторанный зал. Сложный узор теней, падавших на пустые столы, беспрестанно перемещался

оттого, что ветер шевелил ветви сосен за окнами. Два официанта убрали посуду, громко тараторя по-итальянски, но сразу замолчали при их появлении и поторопились принести оскуделый вариант полагающегося по расписанию ленча.

— Я на пляже влюбилась, — сказала Розмэри.

— В кого это?

— Сначала в целую симпатичную компанию. А потом в одного мужчину.

— Ты с ним разговаривала?

— Немножко. Очень хорош. Почти совсем рыжий. — Она уплетала за обе щеки. — Впрочем, он женат — обычная история.

Мать была лучшей подругой дочери и руководила ею, делая на это свою последнюю в жизни ставку — явление, довольно распространенное в околотеатральной среде, но миссис Спирс отличалась от других тем, что не искала тут способа отыграться за собственные неудачи. Она не была в обиде на судьбу — два благополучных брака, оба завершившиеся вдовством, укрепили жизнерадостный стоицизм, заложенный в ней природой. Один из ее мужей был кавалерийским офицером, другой — военным врачом, и оба оставили ей небольшой капитал, который она старательно сберегала для Розмэри. Она не баловала дочь и этим сумела закалить ее характер, но в то же время не щадила себя, пестуя ее заботливо и любовно, и этим воспитала в ней идеализм, уже давший свои плоды: Розмэри боготворила мать и на все смотрела ее глазами. А потому, при всей своей детской непосредственности, она была защищена двойной броней, материнской и собственной, вполне по-взрослому чураясь всякой фальши, пошлости и дешевки. Однако после внезапного успеха Розмэри в кино миссис Спирс почувствовала, что пора отлучить ее от груди, и вполне искренне готова была не огорчиться, а порадоваться, если этот кипучий, страстный и взыскательный идеализм сосредоточится на ком-либо, помимо матери.

— Так тебе здесь нравится? — спросила она.

— Здесь можно очень славно пожить, если познакомиться с той компанией.

На пляже были еще люди, но довольно противные. И меня узнали — удивительно, куда ни приедешь, везде, оказывается, видели «Папину дочку».

Миссис Спирс дала улечься этому дуновенью тщеславия, потом сказала прозаически деловито:

— А кстати, когда ты думаешь повидаться с Эрлом Брэди?

— Можно съездить даже сегодня вечером, если ты не устала.

— Я не поеду, поезжай одна.

— Ну давай отложим до завтра.

— Я вообще хочу, чтобы ты поехала одна. Это не так далеко — и ты, кажется, достаточно хорошо говоришь по-французски.

— Но если мне не хочется, мама?

— Не хочешь сегодня, поезжай в другой раз, но ты должна это сделать, пока мы здесь.

— Хорошо, мама.

После завтрака на обеих вдруг напала тоска, которая часто одолевает американцев в тихих уголках Европы. Ни каких-либо внешних побуждений, ни голосов, на которые нужно откликаться, ни обрывков собственных мыслей, услышанных от кого-то другого, и кажется, что сама жизнь остановилась и не идет дальше.

— Через три дня мы отсюда уедем, хорошо, мама? — сказала Розмэри, когда